

ПРОМЕР*

Виктор Григорьев

Нам союзно лишь то, что избыточно,
Впереди не провал, а промер,
И бороться за воздух прожиточный —
Эта слава другим не в пример.
(“Стихи о неизвестном солдате”)

К 75-летию А. Е. Кручевых Феофан Бука, в миру известный как Николай Иванович Харджиев, составил альбом “Кручёныхиада 2-ая” (1957-1961). В нём содержится автограф Н. Я. Берковского, начало которого процитируем: “Дорогой Алексей Елисеевич, [...] Вы и Ваши друзья смотрели на Пушкина как на живого соперника и Ваша живая ревность к нему была для Пушкина лучшей хвалой. С прошлым нужно состязаться и так сохранять его. Кажется, в этом одно из правил “будетлянства” [...]”.¹

В стихотворном поздравлении там же Н. И. Харджиев называет Кручёных *языкодесм* и *звукарём*, *Звучёных*, *Чертёных* и *Лучёных*, использует такой “будетлянский” псологизм, как *злюни*. В палиндромах С. Кирсанова находим строчки “Ментол глотнем?” и “Ала / водила вниз инвалидов / искать такси”. А сам Кручёных, выступая в ЦГЛИ 18 декабря 1959 г. с воспоминаниями о Маяковском и футуристах, говорил о том, что в “Истории Москвы” (очевидно: Москва, тт. 1-6, 1952-

---

* Статья была подготовлена по предложению М. Б. Мейлаха для сборника к 90-летию Н. И. Харджиева, теперь же посвящается памяти о нем. Но текст статьи потребовал ряда грустно естественных правок. Все они заключены в угловые скобки. Мелкие стилистические коррективы не отмечались.

¹ РГЛИ, ф. 1334, оп. 2, сл. хр. 64, л. 1 б и след.

1959) перечислены футуристические сборники и сказано, что в них печатались Бурлюк, Кручёных, Хлебников “и др.”. “Наконец-то и Маяковский, — иронизировал Кручёных, — попал в “и др.”²

Это — несколько арабесок из послевоенных лет, малоизвестные или неизвестные многим наслышанным о Н. И. Харджисве как велимироведе и мандельштамоведе, друге А. А. Ахматовой и прочая и прочая, о нём как некоем “скандалисте” класса Е. Д. Поливанова, “критикане” не хуже В. В. Виноградова <получавшем при жизни всяких “сдач по поводу”, а то и нападок без причин>, о *Легендаре*, что твой Кручёных <(и как узнать теперь, после скандала 1998 г., чем ещё обогатил Н. И. фонды РГАЛИ?)>.

Нрава он, разумеется, не <был> “лилейного”. Зато “линейного” в нём <было> немало. Как и Хлебников (далее: Хл), Н. И. рано определил для себя две линии — две “осады” (среди других): Хл и Мандельштам (далее: Ом). И подобно Ом всю жизнь боролся, ради своих “осад”, “за воздух прожиточный”. Как Хл, он мог бы сказать о себе много раз: “Плетусь. Ученье моё давит мне плечи. / Проповедь немая: нет учеников”.³ Но проповедь заговорила, учеников — прямых и косвенных — не счесть. Гены харджиевской текстологии в крови, в искусствоведческих хромосомах трёх поколений российских и зарубежных учёных. Если всё-таки удаётся порой обнаружить у Н. И. текстологическую оплошность, чувствуешь себя подобно студенту, сдавшему трудный экзамен, потому что среда “ошибок Н. И.” может стоять десятков иных безусловных истин, насаждаемых оппонентом в среде корысти или недостойности. Здесь хлебниковский “закон обратного величия малого” блестяще подтверждается всей деятельностью Н. И.⁴

Текстологическую планку велимироведения Н. И. сумел поднять на такую высоту, что не только стал в ряд крупнейших отечественных текстологов, но и сделал невозможным для уважающего себя велимироведа работать по-старому, по дохарджиевским меркам. Хотя... “Хоти невозможного”, — провозглашал Хл в 1908 г. В 80-е годы наше хотение достигнуть тех же высот, что и “Неизданные произведения” Хл, подготовленные Н. И. (вместе с Т. С. Грицем) к 1940-ому году, ещё напоминало вечную тягбу желаемого с действительным.

² Там же, ед. хр. 4, л. 27 и 28.

³ РГАЛИ, ф. 527, оп. 1, ед. хр. 19, л. 10.

⁴ Заметим, что *величие* здесь — это масштаб, а не совершенство. См. в этой связи: Аверинцев С. “Были очи острее точимой косы...”. Новый мир, 1991, № 1. С. 238.

Но за пределами велимироведения, в 90-ые, оказалось же возможным довести уж такого “нельзя” Александра Введенского до самых высоких кондиций. “Всё-таки добился своего, разбойник”, — как Хл говорил о себе, открывшем “основной закон времени”. Очередь за самим Велимиром в “полном” издательском объёме.

Если бы мой отец (знавший Давида Бурлюка и выставившийся с ним на уфимских вернисажах) не читал наизусть “Я смеярышня хохочеств” своему сыну, когда тот был ещё совсем недоростком и “доумцем” (так что заумь, “Каждый молод, молод, молод...”, с “животе” вместо “в животе”, Пушкин, Маршак и “Вперила в перила...” казались вещами одной вечно-счастливой панхронии), а затем не подарил мне в 1940 г. красный томик малой серии “Библиотеки поэта” и не прочитай я уже перед самой войной (с упоснем) статью-некролог Маяковского, -- наверное, гораздо позже и по-иному мне полюбился бы Хл. Но в 46-ом такой же инвалид войны Володя Свешников, сын известного ученика П. В. Митурича и памятный “лучший друг на 21-ом году жизни”, дарит пишущему эти строки том “Неизданных произведений”, сработанный героическими усилиями П. И. (ПП, по всемирно известной аббревиатуре). И это в значительной степени определило жизнь.

В другом месте было показано, что у Хл больше, чем у кого-либо ещё, прав на славный и спорный титул неизвестного солдата из таинственных стихов ОМ.⁵

⁵ См. серию работ автора “Два идиостилия: Хлебников и Мандельштам / Подступы к теме” <(I — Поэтика. Стилистика. Язык и культура. / Памяти Т. Г. Винокур. М., Наука, 1996; II — Филологический сборник (к 100-летию со дня рождения акад. В. В. Виноградова). М., Ин-т русского языка, 1995; III — Облик слова. Сб. статей. М., [Русские словари], 1997. См. и его статьи: “Вперед не провал, а промер...” // Русистика сегодня, 1994, № 1; “Принцип единой лезвизны” — “Стоило бы обратить внимание” // Там же, 1996, № 1 (с лит.); Поздний Мандельштам: *Хитрые углы* (“Ода” Сталину или/и Хлебникову?) // *Europa Orientalis*, 17 (1998): 2 (с двумя опечатками: имя автора следует читать как Виктор); “Введение” в кн.: САМОВИТОЕ СЛОВО / Словарь русской поэзии XX века. Пробный выпуск: А - А ю-рей. Сост. Григорьев В. П., Гик А. В., Колосдяжная Л. И., Реутт Т. Е., Фатеева Н. А., Шестакова Л. Л. Компьютерная база данных Словаря: Ж. Г. Аношкина. М., 1998 (Приложение к журналу “Русистика сегодня”). — Ещё ряд его работ, связывающих тему промера с проблемами авангарда и будетляинства, находятся в печати или/и в Интернете>.

Какими глазами велимировед Н. И. читал статью В. Циммерлинга “Промер”,⁶ нетрудно представить. Использовано в заглавии слово-место, самое “подозрительное” в “Стихах о неизвестном солдате” (далее: СоИС) по присутствию здесь Хл. Двигаясь от слова *промер* вверх и вниз в этом тексте и за его пределами в творчестве ОМ, можно было добраться и до реконструкции разговоров Хл и ОМ весной 1922 г. Что же касается Хл, то как было не восстановить в памяти следующий фрагмент из начала “Досок судьбы”:⁷

Судьба Волги дает уроки судьбознанию.

День измерения русла Волги стал днём её покорения, завоевания силой паруса и весла, сдач[и] Волги человеку. Промеры судьбы и изучение её опасных мест должно сделать судьбоплавание настолько же лёгким и спокойным делом, насколько плавание по Волге стало лёгким и безопасным ремеслом после того, как сотни буянов алыми и зелёными огнями отметили опасные места, камни, отмели и перекаты речного дна. Так же можно изучать трещины и сдвиги во времени.

Подобные же промеры можно делать и для потока времени, строя законы завтрашнего дня, изучая русло будущих времён, исходя из уроков прошлых столетий и вооружая по способу судьбомерия разум новыми умственными очами в даль грядущих событий.

В самом деле, когда велимировед, уже давно интересующийся всем-то “хлебниковским” у ОМ, вдруг узнаёт о статье В. Циммерлинга, дух у него захватывает: что же сказано про слово, в душе, разговорах или печати им самим столько раз сопоставлявшееся с “Досками судьбы”? Но тут же следует вздох разочарования (или, если угодно, эгоцентрического облегчения). Нет, и на этот раз мандельштамоведение бьёт мимо. Слово Хл и ОМ служит всего лишь славным заглавием.

“Звезда с звездой — могучий стык...” — сразу же после цитаты из ОМ В. Циммерлинг красиво (но верно) пишет: “есть [...] некая констелляция господствующих на поэтическом небосклоне астральных тел”.⁸

⁶ Циммерлинг В. Промер // “Сохрани мою речь...”. № 2. М. 1993. С. 44-57.

⁷ Хлебников В. Доски судьбы. М., 1922-1923. С. 3.

⁸ Циммерлинг В. Указ. соч. С. 51. «Эта “астральность” недавно очень странно аукнулась в № 24 (1997; с. 207-208) журнала “Новое литературное обозрение”: проф. Б. А. Успенский подверг здесь легендарную Черубину, с витиеватой подачи физика акад. Я. Ё. Зельдовича, некоей транссексуальной операции, приписав Хл строчки: “Могучий и громадный, далек астральный лад. / Ты жаждешь объяснения — познай

Однако эта “конstellация” состоит из звёзд, имеющих имена “Хл” и “ОМ”, а не “Пушкин” и “Лермонтов”, которые, тоже, конечно, присутствуя в едином и необычном небе и пространстве-времени “Грифельной оды”, вместе с тем превосходно маскируют своих “двойников”, создавая уже как бы “двойные звёзды”.

И воздуха прозрачный лес
Уже давно пресыщен всеми.

Пресыщены и Хл и ОМ, но второй — только не первым; если “всеми” — то уж кроме него. “Горящий мел” — это и *горящий* Хл, по воспоминаниям знавших Будетлянина, и полуполемический *мел* (из концовки “Ладомира”), которым можно теперь “накормить грифель” для “черновника”:

Черти не мелом, а любовью
Того, что будет, чертежи [...]

Два любимца Н. И. — Хл и ОМ — сошлись на узкой временной дорожке в Москве весной 1922 г. О том, что это непосредственно значило для ОМ, свидетельствуют: 1) его статьи 1922-1923 гг., изобилующие высочайшими оценками Хл; 2) “Нашедший подкову” (значимое заглавие и верлибр!); 3) та же “Грифельная ода” (1923): Н. И. давно ощутил в ней воздействие “сложных смысловых ходов, отчасти идущих от Хлебникова”.⁹ Но, кроме этих “ходов”, существенно и прямое присутствие целостного **образа** Хл в обоих названных текстах ОМ: *друг морехода* и *отец путешествий* вместе с *досками* как бы указывают на “Еще раз, еще раз...” и “Доски судьбы”. На Хл намекает связь *щепотки соли с небом*. Хл умер — и *причина звука*, преследующего ОМ, *исчезла*, но остаётся память о Зангези: не просто *конь*, а “пышущий жаром” *иноходец*. ОМ “врастает” в Хл или Хл — в ОМ, но возникает свособразный “кенгавр” (т.е. отсылка к “Семеро”?), который признаётся: “То, что я сейчас говорю, говорю не я [...]” — и сознаёт: “[...] мне уж не хватает меня самого...”. Те же аллюзии можно увидеть в

атомосклад”. Заметкой “Требуется секундант” (журнал “Неприкосновенный запас”, 1998, № 1) мистификатор попробовал оправдать полуприкрытое издевательство над Хл. В этой связи см. наши статьи “Заботясь о смягчении нравов...” [слова Хл], “Принцип как языковой ингертекст?”, “Хлебников и Пушкин”, “Требуется... Иоанн Златоуст” [об “окаменном нечувствии”] (все — в печати)».

⁹ Мандельштам О. Стихотворения. Л., 1973. С. 284.

эпиграфе (из Лермонтова) первоначальной редакции “Грифельной оды”, а новый — не столь прямолинейный — эпиграф похож на отсылку к “Царапине по небу”, сохраняя образ Хл как целос.

Не буду продолжать: Державин и Лермонтов маскируют Хл, который как будто вручает или завещает свою “лиру” ОМ. Детали — тоже см. в другом месте.¹⁰ Во всяком случае, *ученик* “Ручья с холодною водой...” ощущает себя *двuruшником*, хотя еще и не *корабельщиком*, но уже готовым сохранить опечатку, “совсем по орнитологу” Хл, ради усиления паронимии (*стрепет* вместо *тресет*).

В “Восьмистишиях” и в СоПС еще остававшиеся у ОМ колебания и опасения (и остающиеся: отсюда, отчасти, и маскировка) разрешаются в бесповоротный контрапункт, шифруемый здесь и далее уже главным образом по экстрапоэтическим причинам: среди близких — ОМ один так углубился в Хл. Еще раньше, в свете предлагаемой гипотезы, поновому звучало одно четверостишие ОМ, совсем недавно видевшего, как Хл шевелит губами:

Видно, даром не проходит
Шевельенье этих губ,
И вершина колобродит,
Обречённая на сруб.

(“Вершина” акмеизма?). И ведь это далеко не всё, что говорится о Хл у ОМ в 20-е годы.

Прибегая к просторечию, на первых порах хочется даже сказать, что поздний ОМ “набит” Хл; в ином стиле таких же гипербол — что переполнен или перенасыщен им. Пожалуй, более точным причастием будет *произан*, и эта произанность просто более очевидна в произведениях 1923 г., затем в “Восьмистишиях” и СоПС, а уже как бы через них — и во многих других “промежуточных” текстах, их редакциях и самых последних стихах ОМ.

И. И. вспоминал слова Пастернака, обращённые к ОМ в конце 1932 г.: “Я завидую вашей свободе. Для меня вы новый Хлебников. И такой же чужой”.¹¹ Чуткость и искренность Пастернака поразительны. Они

¹⁰ В работах, указ. выше в примеч. 5.

¹¹ Цит. по комментариям к изданию: Мандельштам О. Сочинения в 2-х т. Т. 1. Стихотворения / Сост. П. М. Нерлера. Подгот. текста и коммент. А. Д. Михайлова и П. М. Нерлера. Вступ. статья С. С. Аверинцева. М. 1990. С. 502. — Напомним, что <не позднее апреля 1922 г., т. е. ещё до отъезда Хл в Санталово>, ОМ пишет такое

явно превосходят несколько ревнивое стремление Н. Я. Мандельштам убедить нас, что любить Хл и ОМ вместе нельзя — только врозь.¹² Мандельштамоведы отнеслись к её постулату всё-таки с излишним доверием.

Образ Хл в “Восьмистишиях” крепнет, становится более значительным, глубоким и понятным именно в том смысле, какого сам Будетлянин никому другому при своей жизни так и не мог объяснить. *И я, — признаётся ОМ, — выхожу из пространства. Куда? Разумеется, во “время”, если ещё и не в “государство времени”, как (до него) некто уже вышел. Величины — это всё же не “микрообъекты” (Ю. И. Левин), а “числа”. Голубогвёрдый глаз — это глаз Хл, и Белый неоднократно по-своему чокался именно с ним (см. стихи на смерть Белого). Шепот, родившийся прежде губ, артикулируется Хл; он действительно появился до бобэоби. Это Хл, чертёжник и геометр, сделал так, что его уже “полуученик” (свой!) опыт из лепета лепит, а сам пьёт лепет из опыта чужого — опыта Хл. Что же касается предикатов к Шуберту, Моцарту, Гёте и Гамлету, то они своей совокупностью вполне определённо рисуют его портрет или образ: пловца, странника, Пуму, и в самом деле “считавшего пульс толпы” и обожавшего птиц. Заключение катрен “Восьмистиший” мог быть и непосредственно вдохновлён обложкой “Вестника В. Хлебникова” № 2 работы П. В. Митурича.*

“Всероссийский требник-образник”, каким ОМ ещё недавно, в 1923 г., воспринимал своего “полуучителя”, оказался теперь *задачником огромных корнисей*. <Надо было приступать к полуаналогу хлебниковского “разговора” 1912 г. “Учитель и ученик”. “Восьмистишия” существенно совпадают и по времени написания со знаменитой эпиграммой ОМ на Сталина, и по замыслу — с “Одой” Сталину 1937 г., в которой под наружным портретом натурщика ОМ мастерски спрягал образ того же Хл, близнеца и отца.>

Перечитывая “всего ОМ глазами Хл”, мы наталкиваемся и на такие вот “странные” (Пушкин) сближения-малости, как, например, строка ОМ “И в траве гадюка дышит / Мерой века золотой” (1922; <дата написания стих. “Вск” близка к дню рождения Хл!>), напоминающая нам

стихотворение, как “Кому зима — арак и пуши голубоглазый...”, с “антимастернаковской”, в отношении 1932 года, строкой “Гянутся с нежностью бессмысленно к чужому”. <Мастернака к Хл не “гянуло” никогда — ОМ “гянулся” к нему и опущал его харизму, ещё и не осознав причин и силы этой “тяги”>.

¹² Мандельштам Н. Вторая книга. 4-е издание. Paris, 1987. С. 107.

о Хл-натуралисте: “И первая гадюка выползла / На позолоченный пригорок” (и, возможно, об общем отклике поэтов на нэп. Уж не читали ли Хл в семье ОМ своё “Вост судьба улюлю!...”?).

ОМ умирал полуБудетлянином, единственным в мировой культуре. Пока он и остаётся единственным полноправным собеседником — последователем Хл. Радость от чтения “глазами Хл” СоИС <и “Оды”> — непередаваема.

В заключение (вспоминая о *невеличкописи* Хл) — невеличкопубликация. Выбор текстов для неё определялся так: хотелось, во-первых, чтобы мы более отчётливо представили себе сам масштаб *промсров судьбы* <ушедшего от нас юбиляра>, во-вторых, предложить ещё ряд существенных образов из наследия Хл. Кроме одного фрагмента, это — материалы, прямо связанные с подготовкой Будетлянином к печати рукописи “Досок судьбы” или с его работой над более ранними вариантами “законов времени”.

Мы разделяем точкой нашего я время на две половины. Они кажутся нам существенно различными. Но потомок всё наше прошлое и часть нашего будущего <отнесет в прошлое> и будет изучать их как единый кусок явлений, а предок отнесет часть нашего прошлого в <будущее>.

Поэтому лучше отказаться от понятия<й> прошлого, настоящего, будущего как вредных для ясности мысли и считать настоящее время исходной точкой счёта, прошлое -- отрицательным ряд<ом>, будущее -- рядом положительным. [...] Поэтому нельзя говорить, что существуют причины и следствия. Будущее не менее действует на прошлое, чем обрат<но>, но нуж<но> сказа<ть>: есть связь между тем и другим, между каждыми двумя точками времени.

Нужно [...] выдвинуть начало множественности времён. Уравнения часто состоят из частей разного возраста. Уравнение вр<емени> походит на ленту кино, где запечатлены разные времена одного и того же события.¹³

[...] было бы бесполезно найти что-то похожее на калоши для луж судьбы и непромокашки от косых капель ливня судьбы [...]. Война есть грубое измерение ям, предвидение будущего -- тонкое, изящное решение уравнений времени.

¹³ РГАЛИ, ф. 527, оп. 1, ед. хр. 120, л. 6 и 9.

«Цари в пыли с уздечкою в руке», вдруг сброшенные наземь. / И «рцы покинуло изгнанником дворцы».

Большой советский день вне (шире) России 21 VI 1923.

29 I 1929 дни советской власти за пределами России. / 11 X 1962 опыт<:> советская власть земн<ого> шара.¹⁴

От Хрусталёва до Ленина / 2 <в 12-ой степени> дней.

Зыбь повторных волн через 48 дней.

Война утонет в чернильнице писателя.

Ведь мир есть всё, а ничто есть всё с обратным знаком показателя <степени>.¹⁵

[...] не подымается ли всё человечество, по закону рычага, если мы опускаем слишком высоких?.¹⁶

Всем всегда всё / Воля / Воля будетлянская.

Все точки мирорука связаны <между> собой и в<о> времени, и в пространстве. Это потому, что большие числа единым законом связаны с малыми числами, а люди и вещи находятся внутри больших чисел и обнимают собой малые числа.¹⁷

Всё и есть зависимое переменное мирового времени.¹⁸

или = равенство;¹⁹ сольза — выгоды общения, нельза — запрет, невозможность.²⁰

Множество важнейших или просто значительных и впечатляющих строк и образов Хл остаются в архивохранилищах в рукописных набросках. Поэтому для Хл жанр “фрагмента” расширяется, в сравнении, скажем, с известными “фрагментами” Новалиса, до поэтического “рода” или “вида”. Без особых текстологических и публикаторских пре-

¹⁴ Там же, ед. хр. 72, л. 3, 3 об. (кавычки Хл), 7 (даты указываются автором в соответствии ряду: 2 в 11-ой, 12-ой и 13-ой степени дней со времени Октябрьской революции).

¹⁵ Там же, л. 8 (Хрусталёв-Носарь упомянут также в «Ладомире»), 9, 11, 14.

¹⁶ Там же, ед. хр. 74, л. 39.

¹⁷ Там же, ед. хр. 77, л. 41 об., 55 об.

¹⁸ РО ГПБ, ф. 1087, ед. хр. 24, л. «26».

¹⁹ Там же, ед. хр. 26, фр. 4, л. «3».

²⁰ Там же, ед. хр. 23, фр. 1, л. 1.

тензий, а, как и выше, лишь для общего ознакомления, приведём здесь ещё один фрагмент, извлечённый из набросков варианта знакомого многим стихотворения о голоде в Поволжье — “Волга! Волга!...” (1921).²¹ Он любопытен и тем, что в нём мы находим слово *беспредел*, однако в значении, совпадающем с сегодняшним лишь при умножении, так сказать, на оценочную “нет-единицу”.

Зачем скрипкою смерти унылой
 Смотрит лицо твоё<?>
 Если тебе пужн<о> новое русло,
 Возьми Жигулями душу мою.
 Любви мои возьми
 Беспределом стеной.
 Ежели холодно, ты озябла, <->
 Шкурой медвеж<ь>ся, медведями
 Слова мои накинь на Волги низ<овье,>
 Хохотом вёсен<->
 [Бойко смотри в очи міру.]

Апрель 1998—январь 1999.

---

²¹ РГАЛИ, ф. 527, оп. 1, ед. хр. 51, л. 3 об. — Строка, взятая нами в [], в автографе зачёркнута.